

ба – и живи, как хочешь. Но я получала кило двести у шахте по карточке. Хлеб отменили когда – 48год. Вот тогда мы хлеба и наелись! А то эти кило двести получал шахтер-бедолага, и мы, это в шахте. А так получали 600 грамм, 300 грамм на человека, и что с водичкой попьет, с солечкой, и что – и работай. Сила воляча была! Ой, не дай Бог...

Интерв'юер: *А после шахты ты где работала?*

Елена Ивановна: После шахты вышла замуж, большая, пошли дети, царство небесное мужу, и я десять лет не работала. А потом детки начали подрастать – кого у ясли, кого у садик, пошла еще работать. Кончила курсы продавцов, и пошла овощи, фрукты продавать, яблоки, груши, помидоры, а с этих помидор пошла у продуктовый,

где колбаса, где хлеб, где сахар. У меня 8 лет продавца. А то 10 лет нигде не работала, дети родились.

Интерв'юер: *А познакомились как?*

Елена Ивановна: У подружки братик служил, и привез товарища, и подружке привез, и мне привез солдатика в солдатской форме, в галифе защитного цвета, да. Вот это и женихи наши. Мы были оборванными, и сменится нечего было, вот. Свадьбы никто тогда не делал, а так – бутылка водки, вина, закуски вот и все. Никого нет. Расписывали одним днем, паспорта, дали свидетельства о браке, расписали и все. Но уплатить надо было пятерку – десятку. Жили на квартире, у летних кухнях..

Слава Богу, что вы не видели, чего мы видели!

Бузівська Пелагія Іллівна: «Готовили нас на расстрел...»

РУСЛАН ВОРОНОВ

Бузівська Пелагія Іллівна, 18 серпня 1937 р.н., с. Белосарайка Сталінської області, Першотравневий район УРСР; Донецьк, Донецька область, Україна. Дата проведення: 20.11.2011. Тема: «Военне дитинство».

Интерв'юер: *Представьтесь, пожалуйста, когда и где Вы родились?*

Пелагія Іллівна: Что говорить? Родилась я в селе Белосарайка, Першотравневый район, Донецкая область, в 1937 году, 18 августа Зовут – Бузівская Пелагея Ильична.

Интерв'юер: *Так, хорошо, как раз на момент войны Вам было 4 года – вот что Вам запомнилось с того времени?*

Пелагія Іллівна: Что запомнилось...? Запомнилась война, немцы были, даже были рядом бомбы... была эти... (*задумалась*) ну, взрывы, даже рядом с нашим... нашим небольшим домиком, ну... там не домик, а землянка, можно сказать, была. Вот..., немцы ходили по хатах, искали партизан всё время. Я так припоминаю, что моя мать

была связана с партизанами – приходили с плавлен, Я видела этих... мужчин в кожаных куртках, перевязанные патронами – патрон-таш назывался или как... ну, тогда для моего детского ума ещё не было это понятно, а позже я уже констатировала все эти... Ну... (*задумалась*), когда-то мать меня послала..., рядом бабушка жила, послала узнать зачем пришли немцы. Я бежала, он взмахнул автоматом, начал прицеливаться стрелять и кричать «Партизан!» – даже дитё было ему... партизаном казалось. Бабушка повисла на него, на плечо, и говорит: «Это моя внучка, внучка!». Еле отбила его, шоб он не выстрелил. Ну..., что я помню? (*Вспоминает*).

Интерв'юер: *Как Вы жили тогда?*

Пелагія Іллівна: Ну как мы жили?! Потом, почему-то, ну, тада не понятно было, почему у нас половина села заняли немцы, а половина – румыны. Очень они между собой воевали..., даже у нас стоял румын, на квартире, но румын был хороший сам по себе человек и помогал матери, там, приносил и продукты и, и всё... Потом румынов они как выгнали или они сами ушли – остались немцы, и нас собрали по селу..., у кого было мало детей – брали по один – два у кого, вот, и колонной гнали под охраной немецкой в Ялту – в школу. Пригнали туда нас и готовили нас на расстрел, в балке ялтинской, но на рассвете где-то, освободили наши солдаты – мы проснулись, мать моя проснулась где-то на рассвете и говорит: «Шош так тихо?». Накануне вечером этот, немец предупредил: «Если кто-то убежит, значит всех расстреляем!». Но они и так нас готовили к расстрелу. Вот, ну что...? Пока-том сидели, солома настелена, кровь была – немцы там видимо раненные были – все парты были эти школьные в крови, всё это, руки, всё... Ну, до утра дожили, а на рассвете..., где-то уже в восемь часов наши красноармейцы зашли, и офицеры и солдаты, ребята обнимались, все их это..., ну там же двухэтажная школа, ездили на лестницах в обнимку с этими солдатами своими (*почти плача*)! Ну и назад нас под конвоем вели назад в село, щоб нас немцы не позарасстреляли по дороге... Вот это вот помнится хорошо! Ну, а потом немцев не стало – их выгнали, благодаря нашей армии советской и..., уже где-то в сорок шестом году, а может даже – сорок пятый, Я ж точно даты не помню, – пришёл мой отец с фронта. Вот..., прожил не много с матерью – год, и мать умерла. И так я осталась без матери, ну... (*задумалась*), так все годы закончились.

Интерв'юер: *А как Вы жили, сколько человек было – семья именно?*

Пелагія Іллівна: Я с матерью жила – вдвоём. А бабушка отдельно жила с..., дед был живой – он пришёл с Гражданской войны, очень больной был, боялся всех взрывов этих – вообще боялся, прятался – он насмотрелся ужасов в Гражданскую

войну и очень болезненный вскорости умер».

Интерв'юер: *Значит, были бабушка, дедушка, мама, да?*

Пелагія Іллівна: Ну это, бабушка и дедушка отдельно были.

Интерв'юер: *Ну, а Вы вот?*

Пелагія Іллівна: А мы вдвоём, удвоём только были... Бабушка провела на фронт пятерых сыновей – двое погибли, один... (*задумалась*) без вести пропал, а один – в Кисловодске – мемориальная доска там есть, это тоже он – Бузивской Григорий Фёдорович... Там он есть, а другой – Владимир Фёдорович погиб без вести. Трое пришли с фронта – дядя без ноги, отец мой раненый в руку – третья группа была, а другой брат – третий – приехал целый и невредимый, он был в тылу – в Германии, там в штабе. Ну, все рано поумирали, которые воевали, никого уже нет.

Интерв'юер: *А что папа рассказывал про войну?*

Пелагія Іллівна: Ну что он рассказывал? Особо не рассказывал, потому шо тада мы..., подросток была как-то..., ну шо рассказывал... (*вспоминает*) – плохо было всё, воевали, грохотало, стреляли, прятались и говорит, было такое шо..., сидишь, разговариваешь с человеком – вдруг его нету – убило уже, вот. В плен попал – их хотели расстрелять, а он был с учителем... своим односельчанином – Манойленко Григорий Дмитриевич, он знал немецкий язык, подслушал, шо их должны... они рыбаки – их посылали рыбу ловить на озере (т.к. со временем они вошли в доверие к немцам), и когда их должны были расстрелять – он подслушал, что немцы готовили им расстрел – они переплыли через этот..., речка или там озеро было, не знаю шо там уже было, и скрывались по сёлам, пробирались домой, туда..., это было уже сорок четвёртый – сорок пятый года. Так от пришёл домой.

Интерв'юер: *А получили какие-нибудь награды или что-то?*

Пелагія Іллівна: Ничего не получили..., а ну я не знаю, в отца было шо – не помню я ничего, всё как-то утерялось..., а от было

обидно, что бабушка, потеряв своих сыно-вей, не получала ничего за них..., так бедная жила – 5 рублей пособие платили, это в то время, в советское. Ну, всё...

Интерв'юер: *А вот как было с едой в то время?*

Пелагія Іллівна: А как с едой – было плохо, но у нас чего было ещё ничего с едой, потому шо перед войной колхозные буряки закопали во дворе у бабушки – целый был стог, и вот этот буряк кормил, считай, всё время – варили с него сладкий... мёд с него варили, и как-то фасоль родигла – как-то выкручивались. Голод уже был у сорок седьмом году сильный – это уже после войны, тада было нечего есть, а так во время войны мы как-то..., ещё как-то перебивались – благодаря колхозным вот этим овощам или там... Всё.

Интерв'юер: *А как выживали в сорок седьмом, когда голод был?*

Пелагія Іллівна: Ой, выживали, как мы там выживали?! Рыба не ловилась – как исчезла, как будто её вообще из моря убрали поодногм; хлеба не было, капуста одна уродила в огороде и буряк – это варили с этого хлеб, высевками перемешивали, сладкий буряк. Плохо было, в школу ишёл (мать у меня уже умерла, уже не было) – нечего есть, ходили – жменю сушки отец возьмёт у бабушки, кинет мне у карман – хоть было что смоктать, чтоб не сосал желудок. Вот так и жили. Это где-то до сорок восьмой – сорок девятый, до пятидесятих годов – тогда как будто бы кто в море накидал рыбы, как будто бы от взяли и насунули, даже пригнали этих... вербованных измайльцев с под Одессы – они там с голодухи тоже бедные поприехали, на кострах жгли, тюльку варили в казанках её, ложками ели, парили, жир снимали рыбий – отак выживали люди. Постепенно начали подыматься всё, обзаводиться хозяйством, ну..., как жизни как таковой уже не было – уже были болячки... Ну, всё.

Интерв'юер: *А местная власть как, трудничала с немцами, например?*

Пелагія Іллівна: Откуда Я знаю? Я же та не знаю этого...

Интерв'юер: *Ну, полицай вот был?*

Пелагія Іллівна: Были полицай, один ка-да нас гнали в Ялту – был полицай расстрелянный под березкой лежал, жена выскочила с колонны – защёлкали автома-ты, и её быстро односельчане втащили, в это, в колонну, шо ты его не спасёшь..., но он был связан с партизанами, почему его и расстреляли. Ну, а дальше не знаю – были наверно, потому шо...

Интерв'юер: *А сам день когда папа вер-нулся помните?*

Пелагія Іллівна: Конечно помню (*душев-ный тон*) – ишёл по берегу со стороны Мелекино, тада ж не ходили ни машины, ничего, ну..., матери побежали сказали – она бежала бедная, зацепилась за проволоку..., встречала (*почти плача*)..., ну..., как всегда пришёл и началась, как говорится, домашние проблемы, то постройка дома, то это... Ну тада ещё сразу в колхоз не пошёл, пошёл в артель – Енакиевско-Сталинская артель была, тада Сталино было, пока там давали пойки, давали мануфактуру, под-держивали так... Ну, а потом в колхоз вступил, был бригадиром на рыболовецкой фелюге, рыбалил. Ну, жили уже как и все люди.

Интерв'юер: *Ну а как потом, в пяти-десятые годы, было? Как в Донецк попали, как работать начали, как школу закончили?*

Пелагія Іллівна: Я закончила восемь классов – семь на косе, а один – в Ялте (восьмой класс). Потом работала в сельсо-вете рассыльной, в колхозе рассыльной была, потом на участке помидоры высажи-вали, а сама готовилась к отъезду – родственница там недалёкая приехала и она забрала в Донецк (с подготовкой докумен-тов помог председатель сельсовета) – так я очутилась в Донецке.

Интерв'юер: *А как выглядел Донецк тогда?*

Пелагія Іллівна: Когда я приехала в До-нецк – разваленный был, ДК Ленина – одни стояли эти, обугленные стены. Всё было разбито местами, постепенно восстанавли-валось. Сейчас не узнать, конечно, Донецк, а тогда пустота везде, пожжено, разгромле-но.

Интерв'юер: *Ну, а вернёмся ещё к тому времени: про румына – оккупанта, что ещё про него можете рассказать?*

Пелагія Іллівна: Румыны не плохо относились, жил у нас на квартире, немножко разговаривал по-русски, потому шо, прощался с бабушкой и говорил: «Меня тоже Илюша зовут», – отца моего Илья звали. И говорит: «У меня тоже дома двое деток есть, я не хотел воевать». Вот это помню говорил, прощался – плакал... Ну, по-видимому, мать у него выпытывала, может, какие-то детали – ото приходили вечером, она докладывала им, этим партизанам.

Интерв'юер: *А муж Ваш тоже во время войны был как-то, что он рассказывал, где он был и как его зовут?*

Пелагія Іллівна: Дед? А муж мой, Воронов Анатолий Иванович, жил в Донецке, он рассказывал: чистил немцам сапоги, чтоб дали кусок хлеба – када дадут хлеба, а када в одно место ногою – всё было ему, доставалось как, и били, и ловили; у них тоже немец стоял там, он был на Калиновке, чи де там, на «Шестнадцатой» жили, в городе возле Кальмиуса. Ну..., плохая тоже жизнь была – всё время добытчик был – он же старше меня, ему 7 лет на момент войны было, но около десяти лет он мотался, помогал чем мог, кусок хлеба добывал, между немцами шнырял, лишь бы выжить как. Ну, что ещё... (*задумалась*), у нас на кладбище в селе есть мемориальный памятник такой – несколько человек там похоронено – братская могила, можно сказать; эти люди плыли на Кубань, шоб поменять какие-нибудь вещи на пропитание (Кубань была тогда, ну, хлеборобная такая), но их немцы расстреляли и потопили всех в море, вот их вытащили и похоронили у нас на кладбище».

Интерв'юер: *А когда пошли в школу впервые, что запомнилось с того времени?*

Пелагія Іллівна: Ну, пошли когда, в сорок пятом, по-моему, восемь лет было или сколько? Выключи пока... (взяли паузу, т.к. респондент устала и нужно было собраться с мыслями). В сорок пятом – восемь лет было, а потом учились уже где-то второй

класс – не было тетрадей, не было бумаги, доставали газеты – между газетами де свободные места были, мы писали буквы, домашние задания – ещё и как писали хорошо, каллиграфия какая была (*смеётся*).

Интерв'юер: *А чем писали?*

Пелагія Іллівна: Ручка у чернильнице была, и ручка с пером. Потом, вырезали с коричневых кульков – мешков, шо пакуют продукты, вырезали листы и царапались на них – ну, все ничё, писали, понаучились все хорошо, да ещё и как писать – каллиграфия была чудесная, не то что сейчас – ручкой этой шариковой пишут, ничё не поймёшь, что там написано вообще (*иронично*). Были книги – была одна книга, вот четверо учеников, допустим, и вот по очереди учились, я поучилась – отдала тому, и так...

Интерв'юер: *Какие были любимые предметы в школе, помните учителей своих?*

Пелагія Іллівна: Любимый предмет был история... (*задумалась*), русский язык, литература и язык – очень любила стихотворения всякие... А учителя у нас все хорошие были, у нас не было плохих учителей – мы их любили, свою учительницу в первый класс встречали за километр – брали портфель, несли ей тетрадки. При том, учителя безвозмездно всё – никаких подачек от нас не видели, не от родителей ничего, и все были в хороших отношениях; не знаю, я помню только хорошее, плохого с учителями не было.

Интерв'юер: *А тогда форма была какая-та?*

Пелагія Іллівна: Какая там форма?! Учительница говорила, пусть будет залатанное платье, но только чистенькое и выглаженное. Это потом уже формы начались вже.

Интерв'юер: *А какое в селе было хозяйство, был ли колхоз?*

Пелагія Іллівна: Рыболовецкое хозяйство (рыболовецко-зерновое) – в степу у нас была земля, на которой сеяли пшеницу, семечки, а в колхозе были в нас лошади в основном, потому шо машин же не было в то время – на лошадях были, были фондовые лошади, которые для военных целей стояли – не рабочие, их только кормили.

Ну, а так в основном ловили рыбу и занимались ещё сельским хозяйством – помидоры, виноградники у нас были, винные подвалы, вот, очень хороший виноград и сорта были хорошие, и садили помидоры, делали томаты; потом постепенно ушло это всё, упадок, потом соединили колхозы с Мелекиным – председатель один, постепенно не стало ничего, а было вначале... Клуб был у нас, там все были: и танцы, и кино показывали, часто приезжали художественная самодеятельность..., в зале там, где колхозные собрания происходили, в актовом зале этих – там были всегда эти концерты, ёлку всегда справляли, ходили танцевали – очень хорошо было, у нас художественной самодеятельностью занимались... Христорхов Владимир... ой, забыла, как его отчество уже – сколько ж лет прошло – он возглавлял у нас это, играл на аккордеоне, мы все там участвовали, кто на что был способен, вот так...

Интерв'юер: *Ну, а про свою работу в колхозе, чем занимались?*

Б.П.: Кто, я? А чем, я ж тебе говорю, рассыльной была – ходила бумажки носила куда пошлют, даже в Ялту – в рыбцех, там у нас был в море, на берегу.

Интерв'юер: *Ну и что получали за работу?*

Пелагія Іллівна: Нічє, мы получали трудодни, а на трудодень нам давали потом в конце, под новый год, по-моему, или после нового года, уже не помню, давали столько-то зерна, там, столько-то того на трудодень, деньгами не давали ничего (один раз толь-

ко), потому шо трудодни были – что заработали, то и платили.

Интерв'юер: *Ну, а папа был рыбаком – много приносил рыбы, например, домой?*

Пелагія Іллівна: Та, сколько там. Всё сдавалось, а что там поделают... по две – три рыбины принесёт. Рано выезжали, сыпали сети, потом ездили на перебор, вытащили рыбу, а потом стали постепенно стали ставники ставить – ставные неводы назывались – это ловили тюльку и красную рыбу, севрюги, белуги, камбала ловилась очень хорошо, бычок. Рыбы очень много ловилось.

Интерв'юер: *Как в селе узнавали новости, было ли радио или что-то?*

Пелагія Іллівна: Постепенно поставили репродуктор, вначале общий был по селу – горланил там, а потом в квартире, и было так, что первое время одно и тоже по полчаса говорили, пока наладилось, ну, и так... А потом приёмники появились, отец было лежал под грубкой и слушал постановки всякие там, новости..., до телевизора он не дожил уже бедный. Так что, такие дела. По репродуктору сообщались все новости – какие достижения, где – что. И газеты были, но какие и что – не помню».

Интерв'юер: *Ну, что ж, хорошо. Кстати, Вы согласны на то, что можно будет использовать данные?*

Пелагія Іллівна: Да, пожалуйста! Здесь ничего нет – всё правдивое.

Интерв'юер: *Хорошо, спасибо большое! До свидания!*

Пелагія Іллівна: До свидания, всего Вам хорошего! И чтоб не было войны!

Додаткова інформація про респондента:

Місце проведення: м. Донецьк Донецької обл., Україна

Дата проведення: 20.11.2011

Тривалість інтерв'ю: 00:30:00

Прізвище, ім'я, по-батькові: Бузівська Пелагія Іллівна

Рік народження: 1937

Місце народження: с. Білосарайка Першотравневого р-ну, Сталинська обл., УССР.

Професія: різноробоча (приймальниця на пральні до 1993 р.)

Освіта: середня